

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Январь — Февраль 2004

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредители: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Фонд «Литературная критика»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ИДЕЙ

3 Г. КНАБЕ. Вторая память Мнемозины

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

25 Е. ЩЕГЛОВА. О, не тоскуйте мне о нем. Современный писатель в зеркале самооценки

Книги, о которых спорят

41 Н. ПОТАНИНА. Диккенсовский код «фандоринского проекта»

ВЕК МИНУВШИЙ

49 Н. ДВОРЦОВА. Экстерриториальный писатель (О литературной репутации Михаила Пришвина)

70 Ю. РОЗАНОВ. Пришвинский миф Алексея Ремизова

ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Поэтика жанра

84 Е. ПОНОМАРЕВ. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

112 Г. КРАСУХИН. При свете совести и во тьме (Трагедия Пушкина «Борис Годунов»)

Ю. РОЗАНОВ

ПРИШВИНСКИЙ МИФ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Личные и творческие связи М. М. Пришвина и А. М. Ремизова уже неоднократно привлекали внимание историков литературы. В работах Н. П. Дворцовой и Е. Р. Обатиной отношения между писателями рассматривались преимущественно «с точки зрения Пришвина», что вполне понятно — в Дневниках писателя ремизовская тема представлена многогранно и поэтому интересно¹. А. Эткинд, тоже опираясь на дневниковые тексты Пришвина, определяет его отношения с Ремизовым как «дружеские и конкурентные»². На «конкурентность», очевидно, указывают некоторые негативные оценки личности Ремизова, встречающиеся в пришвинских Дневниках (см., например, записи от 10.02.1914, 15.03.1917, 10.08.1917, 1.04.1918, 8.04.1918).

Иначе выглядит ситуация «с позиции Ремизова», который в своих текстах создал яркий, запоминающийся и во многом

¹ Дворцова Н. П. М. Пришвин и А. Ремизов (к истории творческого диалога) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. № 2; Дворцова Н. П. М. Пришвин и «школа А. Ремизова» // Серебряный век русской литературы. Проблемы, документы. М., 1996; Обатинна Е. Р. (Вступительная статья) / Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову // Русская литература. 1995. № 5.

² Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 459.

мифологизированный образ друга и ученика. Ремизовский Пришвин более всего похож на какой-то сказочный персонаж и в качестве такового наделен исключительно положительной семантикой.

Знакомство писателей состоялось в 1907 году, Ремизову было 30 лет, Пришвину — 34. Оба они находились в ранге начинающих авторов, но известность Ремизова у читающей публики была гораздо выше во многом потому, что имела скандальный характер.

Последний скандал случился как раз в это время на премьере его пьесы «Бесовское действие». С этим событием в мемуарах Ремизова и связывается начало его дружбы с Пришвным. После премьеры своей неоценимой мистерии в театре В. Ф. Комиссаржевской автор под свист и крики зрителей получил от дирекции огромный лавровый венок. «Пользовал знакомых и соседей лавровым листом из своего венка, для щей: и больше всех наел, появившийся в ту пору в Петербурге, М. М. Пришвин, прославленный русский писатель, “академик”, а тогда застенчивый и не “выразимый” этнограф и космограф»³.

Вскоре Пришвин оказывается вовлеченным в очередной скандал, разыгравшийся вокруг Ремизова. Влиятельнейшая российская газета «Биржевые ведомости» обвинила Ремизова в литературном воровстве. В статье «Писатель или списыватель?» анонимный автор сравнивал две ремизовские сказки с их фольклорными оригиналами из сборника Н. Е. Ончукова и не находил между ними особой разницы. Несмотря на абсурдность ситуации (плагиат из фольклора!), литературный мир неоднозначно отнесся к этой истории. Пришвин был в рядах активных защитников пострадавшего писателя. В начале 1920-х годов в книге «Кухня. Розановы письма» Ремизов вспоминал: «Пришвин, известный тогда, как географ, своими книгами “В стране непуганых птиц” и “За волшебным колобком” (Изд. А. Девриена), только что выступивший “Гуськом” в “Аполлоне”, писал также в “Русских Ведомостях” и был на счету “уважаемых”, Пришвин, как эксперт — большая медаль из Географического Общества, действительный член — этнограф, географ, космограф! — пошел по редакциям с разъяснениями. И его выслушивали — сотрудник “Русских Ведомостей”! — соглашались, обещали напечатать опровержение, но когда он, взлохмаченный, уходил, опускали, не читая, его автограф на память — в корзинку»⁴.

³ Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 265.

⁴ Ремизов А. М. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 7. М., 2000. С. 93.

Пришвин «опровержение» все же напечатал, но Ремизов об этом умалчивает⁵. (Впрочем, умалчивает он и о других эффективных или просто эффектных поступках своих сторонников, например о намерении В. Хлебникова вызвать на дуэль издателя «Биржевых ведомостей».) «Ради утверждения созданного им самим “образа”, — отмечает близко знавшая писателя в годы эмиграции Н. В. Резникова, — Алексей Михайлович мог умалчивать о самоотверженных поступках по отношению к нему. Его легко можно было обвинить в неблагодарности. И во время революции в России, и во время войны в сороковых годах во Франции люди часто отдавали Ремизовым последнее». Здесь мемуаристка имеет в виду основную литературную «маску» писателя — «образ непризнанного, отталкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека»⁶.

Еще раз о поведении Пришвина в «деле о plagiatе» Ремизов напишет в книге «Пляшущий демон. Танец и слово» (1949). Писатель вспомнит новые подробности и детали, укажет, что одна из злополучных сказок в сборнике Ончукова была записана Пришвиным, но опять «забудет» о результате заступничества своего друга. Между тем в данной ситуации Пришвин выступил против мнения фольклористов, с которыми в то время тесно общался, а также против своего учителя в области этнографии, составителя сборника «Северные сказки» Н. Е. Ончукова. (Последний в этой скандальной истории сделал красноречивый жест — Ончуков полностью перепечатал антиремизовскую статью в сарапульской газете «Прикамская жизнь», издателем и редактором которой он был.)

Еще более тесные и дружеские отношения сложились между писателями в страшные годы русской революции, что нашло отражение в хронике Ремизова «Взвихренная Русь» и сопутствующих ей текстах. В голодное революционное время Пришвин снова приходит на помощь другу, каким-то чудесным образом доставая для него продукты. Мотив пришвинской продовольственной помощи проходит через всю книгу Ремизова, становится даже навязчивым лейтмотивом «Взвихренной Руси»:

«Справили рождественскую кутью — постную: после всеночной, как показалась звезда, сели за стол.

Сосед Пришвин хлеб принес.

Под новый год справили кутью — “богатую”.

Сосед Пришвин хлеб принес.

⁵ Пришвин М. Плагиатор ли Ремизов? // Слово. 1909. 21 июня. С. 5.

⁶ Резникова Н. А. М. Ремизов о себе // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994. С. 91.

И “голодную” кутью — под Крещенье — спровоцировали.
Сосед Пришвин хлеб принес»⁷.

Рассматриваемый мотив каким-то странным образом связан с романтическим восприятием Пришвиным Февральской революции, с его деятельным любопытством к происходящему:

«Сосед Пришвин, пропавший с самого первого дня в Таврическом дворце — известно, там в б. Государственной Думе все и происходило, “решалась судьба России” — Пришвин, помятый и всклоченный, наконец, явился.

И не хлеб, пряников принес — настоящих пряников, медовых!

— По сезону, — уркнул Пришвин, — нынче все пряники»⁸.

Факт помоши подтверждается и Дневником Пришвина: «...целыми вечерами только и слышишь от него (Ремизова. — Ю. Р.) жалобы и клянченье. И у меня от всего остались теперь злость и ложь, закрытые пряностью ложной душевности, которую можно купить за одну белую коврижку»⁹. Эта негативная оценка соседствует с целым рядом позитивных высказываний Пришвина о Ремизове и созданной им литературной школе. Такая полярность в оценках людей и событий вообще была свойственна писателю и, как отмечает А. Варламов, достигала у Пришвина «самого невероятного размаха»¹⁰.

Но дело, как представляется, не только в этом. Здесь мы должны коснуться такой деликатной темы, как помошь писателю со стороны ближних и дальних. Ремизов принадлежал к той категории творцов, для которых быт не имеет особого значения и которые все собственные бытовые проблемы предпочитают перекладывать на других людей, причем безвозмездно, оставляя себе лишь одну сферу «чистого» творчества. В истории отечественной словесности такую модель «творческого поведения» дал Н. В. Гоголь, который, по словам В. В. Набокова, «изобрел поразительную систему покаяния для “грешников”, понуждая их рабски на себя трудиться: бегать по его делам, покупать и упаковывать ему книги, переписывать критические статьи, торговаться с наборщиками и т. д.»¹¹. Мемуары и переписка современников Ремизова

⁷ Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 5. М., 2000. С. 28.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. М., 1994. С. 55 (запись от 1.04.1918).

¹⁰ Варламов А. Гений пола. «Борьба за любовь» в дневниках Михаила Пришвина // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 77.

¹¹ Набоков В. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Толстой, Тургенев. М., 2001. С. 113.

дают нам множество фактов, свидетельствующих о том, что писатель был способным учеником Гоголя и в этой специфической области. Литературный секретарь издательства «Оры», выпустившего одну из первых книг Ремизова, М. Гофман, писал: «...я приходил к ним (Ремизовым. — Ю. Р.) и на несколько дней варили им кашу (у меня долгое время сохранялись открытки Алексея Михайловича, начинавшиеся словами: «Кашу съели»)»¹².

Со временем, особенно в эмиграции, писатель не только расширил круг своих добровольных помощников, но и создал определенное общественное мнение. Ремизовым «полагалось помогать, — вспоминал лечащий врач писателя В. Зернов, — и они ожидали эту помощь ото всех»¹³. Резкую, но, по сути, справедливую характеристику созданной Ремизовым «системы помощи» дал писатель В. Яновский: «В доме Ремизовых старались каждого посетителя немедленно использовать: хоть шерсти клок. Переводчик? Пусть даром переводит. Сотрудник “Последних новостей”? Пусть поговорит с Павлом Николаевичем (Милюковым. — Ю. Р.), объяснит, что Ремизова мало печатают. Богатый купец?.. Пожалуй, купит книгу, рукопись, картинку. Энергичный человек? Будет продавать билеты на вечер чтения. Молодежь, поэты? Помогут найти новую квартиру и перевезут мебель»¹⁴. Биографы писателя могли бы продолжать этот перечень до бесконечности.

Среди многих десятков людей, охваченных этой системой, более всего «страдали» самые близкие к семье Ремизовых люди. (Недаром мудрый М. Кузмин дал Ремизову прозвище — «тиранщик»¹⁵.) «Тиранщик» требовал от ближнего круга еще и полного понимания своей авангардной эстетики, которую В. В. Розанов определил формулой «археология + style modern». «Все мои доброжелатели, — жаловался Ремизов Леониду Ржевскому уже в 1950-е годы, — они не позабудут, принесут мне хлеб, молока, папиросы, но все они на стороне праведных судей и оценщиков искусства с карманными словарями русского языка»¹⁶. «Тирания» Ремизова, конечно, была весьма относительной. Можно было и не вступать в ряды по-

¹² Гофман М. Петербургские воспоминания // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 373.

¹³ Зернов В. Русский врач в Париже // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Реферативный журнал. Литературоведение. М., 1994. С. 108.

¹⁴ Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб., 1993. С. 187.

¹⁵ Гильдебрант О. Н. М. А. Кузмин // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М. — СПб., 1992. С. 265.

¹⁶ Ржевский Л. Встречи и письма. (О русских писателях Зарубежья 1940—1960 гг.) // Границы. 1990. № 156. С. 82, 83.

мощников писателя, отказываться от обременительных просьб и поручений. Правда, в таком случае, как остроумно заметила Зинаида Шаховская, было немного шансов войти «для потомков в ремизовский эпос».

Пришвин, как мы видим, в «ремизовский эпос» вошел. Пресловутую «тиранию» смягчала и делала ее вполне приемлемой для многих и известная эстетизация всего процесса, приданье ему игрового статуса. В этом отношении большое значение имела Обезьяня Великая и Вольная Палата (Обезвельволпал) — шуточное общество, созданное Ремизовым в 1908 году и сопровождавшее его на протяжении всей жизни. Во главе организации стоял мифический царь Асыка, друзья Ремизова и просто «нужные люди» носили громкие титулы князей и кавалеров, а сам автор занимал скромную, чисто техническую должность «канцеляриста». Сбор пожертвований не был, разумеется, главной задачей организации, но для ее «канцеляриста» служил существенным подспорьем: «Такое было постановление обезвельволпала, чтобы все обезьяны кавалеры несли всякий по силе в обезьяную палату: кофе (настоящий), сигареты, папиросы, табак и бумагу — канцеляристу “хабар обезьянний”»¹⁷.

В иерархической структуре Обезвельволпала Пришвин занимал видное место, о чем свидетельствует его официальный титул: «Князь обезьянин и кавалер обезьяниного знака первой степени с колоском, министр и полномочный резидент заяшного ведомства, обезьянин старейшина». Упомянутое здесь «заяшное ведомство» — это другая фантастическая организация, созданная уже самим Пришвиным в 1916 году «внутри Министерства Торговли и Промышленности» под несомненным влиянием ремизовского обезьяниного общества. О том, что Пришвин полностью принимал и разделял игровую эстетику своего литературного наставника, красноречиво говорит его письмо Ремизову из кратковременного тюремного заключения в январе 1918 года: «Еще пришлите мне три хорошо сделанных обезьяниных знака 1) Михаилу Ивановичу Успенскому, иконографу, хорошему русскому человеку знак 1й степени с палицей или епанчой (боевой). <2> Сергею Георгиевичу Ручу, который начал у нас декадентство и специально изучает Вас — знак 1й степ<ени> с золотым пером. <3> Владимиру Михайловичу Чернову — зн<ак> 1-й степ<ени> с хоботком»¹⁸.

¹⁷ Ремизов А. М. Клад // Ремизов А. М. Собр. соч. в 9 тт. Т. 5. С. 539.

¹⁸ Цитируется по: Обатнина Е. Р. «Обезьянин Великая и Вольная Палата»: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 205.

Время от времени в ремизовской «театрализованной жизни» случались сбои и отдельные лица из его окружения восставали против стремления писателя «использовать» их для устройства собственного быта, обвиняли его в расчетливости, практицизме и лицемерии. К таким «бунтам на корабле» можно отнести и приведенную выше дневниковую запись Пришвина о продовольственной помощи.

Объективности ради следует сказать, что в годы интенсивного личного общения обоих писателей ремизовская «система эксплуатации» ближнего круга еще только складывалась, по крайней мере понятие «дружеская помощь» еще не было таким односторонним, каким оно стало позднее. Когда Пришвин совершал свои «этнографические экскурсии» по окраинам России, Ремизов вел все его литературные дела в Петербурге — правил рукописи и гранки, «пристраивал» пришвинские произведения в журналы и т.д.

В эти на первый взгляд сугубо технические действия Ремизов вкладывал большой смысл, который, похоже, Пришвина был не вполне ясен. Посмотрим, например, на историю пришвинской публикации в журнале «Аполлон». Во всех своих воспоминаниях, в том числе и в уже цитированных фрагментах «Кукхы», Ремизов выделяет две неравноценные ипостаси Пришвина-писателя — с одной стороны, «географ и этнограф», а с другой — автор, печатающийся в «эстетствующем» «Аполлоне», т. е. принадлежащий к модернистскому лагерю современной литературы. В очерке «М. М. Пришвин» Ремизов прямо пишет о том, что «как писатель Пришвин начинается с рассказа <...> напечатанного в петербургском избранном журнале “Аполлон” в 1909 г.»¹⁹.

Сам Пришвин так оценивал «аполлоновскую историю» и роль в ней своего учителя: «Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказик “Гусек”, подготовленный для детского журнала “Родник”, сказал мне: “Вы сами не знаете, что написали”. Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников “Аполлона”. Его интриговало провести этот земляной, мужицкий рассказ в “сенаторскую” среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу, и его напечатали: получился “букет”»²⁰. Элемент розыгрыша и мистификации здесь, по нашему мнению, явно вторичен. В основе ремизовского действия лежало стремление изменить лите-

¹⁹ Ремизов А. Огонь вещей. С. 481.

²⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. М., 2003. С. 211 (запись от 9.02.1927).

ратурную репутацию Пришвина, включив его произведения в модернистский «неомифологический» контекст.

Понятно, что отношения между писателями в реальной жизни были далеко не идиллическими, но в «Взвихренной Руси» при всей документальности нет ничего, что бросало бы малейшую тень на Пришвина. Даже в дневнике Ремизова, на основании которого и была написана «Взвихренная Русь», их самая серьезная ссора зашифрована ироническим, но малоинформационным обозначением: «Битва под Пришвиным». Подробности «битвы» выясняются снова из пришвинского Дневника: «Обойденные: Ремизов — сказал ему о Горьком свое мнение, и Ремизов побледнел, облился потом и говорит: “Вы лакей Горького!” и проч. Причина сего: несчастье его, которое загородило ему дорогу к свету, радости народной. Они революцию ждали, из-за нее жизнь свою затратили, а когда пришла революция, сидят не у дела»²¹.

В чем же причина такого одностороннего изображения Пришвина в ремизовской хронике? На наш взгляд, Ремизов не описывает реального человека, а рисует некий почти сказочный образ доброго и милого чудака, который в этой фантастической ситуации был для автора своего рода «чудесным помощником». При такой установке любой «негатив», равно любое психологическое усложнение образа выглядели бы совершенно неуместно.

В «Взвихренной Руси» Пришвин является и персонажем снов, еще более опосредованно связанных с реальностью:

«В Москве в Успенском соборе стою на галерее. Тут же и Пришвин: Пришвин самовар ставит — углей нет, стружками <...>

И Пришвин с электрическим самоваром в руках.

— Михаил Михайлович, — прошу, — дайте ваш электрический самовар на одну ночь, спирт у нас кончился.

— Я вам молока пришлю. Два рубля бутылка <...>

И — входят музыканты, а впереди Пришвин с трубой.

“Wetterprophet! (предсказатель погоды), — заявляет о себе Пришвин и, обращаясь к музыкантам, — интернационал!”»²².

При всей экзотичности этих сновидческих фрагментов, они

²¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 257 (запись от 15.03.1917). О революционной деятельности Ремизова в молодости см.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М. — СПб., 1993. С. 419—447.

²² Ремизов А. М. Собр. соч. 9 тт. Т. 5. С. 98, 160, 111.

легко соотносятся с двумя основными характеристиками пришвинского образа в хроникальной части книги — Пришвин как помощник, устроитель быта (сны с самоварами) и Пришвин как революционный романтик (третий сюжет).

Но вот «чудесный помощник» попадает в беду и сам нуждается в помощи. Как известно, 2 января 1918 года писатель был неожиданно арестован, а через две недели так же неожиданно выпущен. Роль Ремизова в его освобождении не совсем ясна. В «Взвихренной Руси» этим драматическим событиям соответствует запись:

«После Блока говорил с С. Д. Мстиславским о Пришвине.

— Пришвина так же грешно в тюрьме держать, как птицу в клетке!»²³.

Мы не знаем, помог ли близкий знакомый Ремизова, член ЦК партии эсеров С. Д. Мстиславский, но такие возможности у него как у члена Президиума ВЦИКа в январе 1918 года еще были. 18 января газета «Новая жизнь» сообщала об освобождении Пришвина как о «большом конфузе», случившемся в ЧК. В этой же заметке говорилось, что в судьбе Пришвина «принял участие С. Мстиславский, взявший его на поруки»²⁴. Во всяком случае, версия освобождения писателя через вмешательство влиятельных знакомых выглядит правдоподобнее той, которую приводит З. Н. Гиппиус²⁵.

Вслед за записью об аресте друга Ремизов дает четвертый, и, может быть, самый любопытный, сон о Пришвине:

«— Судят Пришвина. И я обвиняю. “Так что же я такого сказал?” — не понимает Пришвин.

“Да разве не вы это сказали: “надо их пригласить: люди они полезные в смысле сахара”?”

И жалко мне его: знаю, засудят. Подхожу к Горькому — Горький плачет».

Толкование многочисленных ремизовских снов, включенных автором практически во все книги, является непростым и рискованным занятием, но в данном сюжете, по нашему мнению, отразились реалии, актуальные в то время для обоих писателей, — добыча продовольствия («люди они полезные в смысле сахара») и отношение к Горькому, точнее тема горьковского заступничества за интеллигенцию перед новой властью. Имя Горького вообще часто встречается и в текстах

²³ Ремизов А. М. Указ. соч. С. 193.

²⁴ Цит. по: Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. С. 355.

²⁵ «На досуге запишу, как (через барышню, снизошедшую ради этого кисканиям влюбленного подкомиссара) выпустили безобидного Пришвина». (Гиппиус З. Дневники в 2-х тт. Т.2. М., 1999. С. 70).

Ремизова, посвященных Пришвину, и в текстах Пришвина на ремизовскую тему. Это, как говорится, «больной вопрос». Общеизвестно, что в 1920-е годы Горький был не только признанным литературным авторитетом, но и центром притяжения литературных сил. В эти же годы Ремизов переживал пик популярности и считал свое литературное «гнездо» центром, по крайней мере равновеликим горьковскому. Такое амбициозное мнение писатель предпочитал выражать лишь в завуалированной и шутливой форме:

«А к которому лешему все звери сходятся и птицы и гады и муравьи и пчелы пенье свое попеть и рык рыкать, таким Лешим в большом гнезде петербургском был Алексей Максимович — на Кронверкский к Горькому дорога, что тропа к ключику:

Его суд и ряд
Над всем гнездом

А от Горького повертало зверье в другую лешачью нору — стог чертячий — в Обезьянью великую и вольную палату на суд обезьянний»²⁶.

Естественно, что Ремизов болезненно и ревниво относился к тому, что его «птенцы» иногда посматривали в сторону чужого, горьковского «гнезда».

Весной 1918 года Пришвин уехал из Петрограда в Елец, и друзья расстались, даже не подозревая, что расстаются на всегда²⁷.

В произведениях Ремизова эмигрантского периода образ Пришвина продолжает занимать видное место. Он по-прежнему изображается человеком сказочного мира, неотделимым от природы, понимающим язык зверей и птиц. Сохраняет Ремизов и прежнюю добродушную, можно сказать, даже ласковую иронию. По типу дискурса эти портретные зарисовки относятся или к воспоминаниям, или к представлениям (фантазиям). Вот характерные примеры:

«Мне вспоминается Пришвин: однажды пришел он к нам на Таврическую взволнованный, в бороде лапша, живописный зачес над его плешью встал гребнем, как в старину в

²⁶ Ремизов А. М. Крюк // Ремизов А. М. Соб. соч. в 9 тт. Т. 7. С. 25.

²⁷ Публикуя в 1927 году «Взвихренную Русь» в Париже, Ремизов предусмотрительно заменяет фамилию Пришвина инициалом «П» в том месте, где речь идет о бегстве писателя из Петрограда.

искушениях изображались бесы, глаза вытаращены, как у кота...»²⁸

«И Пришвин, поди, не спит, и ему в окно манит — от снега луна еще ярче и льется свет в окно беспокойный. А от луны он еще звернее, зарос, как леший, почетный косарь! — а в штанах два репья колючих еще с лета, как купался. Вынул бережно свое старое охотничье ружье — поработало на веку! — подул, погладил»²⁹.

«И там в дремучих дорогобужских лесах <...> “князь и полномочный резидент заяшного ведомства” Пришвин М. М., там на Дорогобужской Ямщине, покусанный волками, вышел с ружьем на тетеревиный ток, заслушался и вдруг как увидел зарю, да как дунул дых в него семенной, и заросшая конским волосом рожа его засветилась — заря! — а сердце тетеревино затоковало»³⁰.

В годы, когда опустился «железный занавес» и правдивая информация из СССР практически перестала поступать на Запад, Ремизов разными путями стремится узнать о судьбе своих учеников. Более всего он волнуется за Пришвина. Сведения, которые доходили до парижской квартиры на улице Буало, были крайне противоречивы. Зарубежные русские газеты, например, писали, что над Пришвиным в СССР сгущаются тучи, что цензура калечит его произведения, а “еврейские критики” развернули настоящую травлю писателя-патриота, обвиняя его в “идеализации помещичьего уклада”, в “пантеизме и религиозной проповеди”³¹.

Совершенно иную картину жизни Пришвина в предвоенные годы нарисовал Ремизову Р. В. Иванов-Разумник, во время Второй мировой войны оказавшийся на Западе. В ответ на специальный запрос писателя Иванов-Разумник пишет подробное «пришвинское» (как он сам называет) письмо. Из этого письма следует, что Пришвин жив и здоров, весел и богат (до начала войны зарабатывал до ста тысяч рублей в год), «по-прежнему страстный охотник, делающий иной раз по 40 верст в день с ружьем в руке», очень много печатается и совершенно не страдает от цензуры. В таких же «богатырских выраже-

²⁸ Ремизов А. М. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти // Ремизов А. М. Собр. соч. в 9 тт. Т. 8. М., 2000. С. 72, 73.

²⁹ Ремизов А. М. Кухня. Розановы письма // Ремизов А. М. Собр. соч. в 9 тт. Т. 7. С. 72.

³⁰ Ремизов А. М. Крюк. С. 22.

³¹ Горский И. Евреи и русская литература // Новое слово. 1942. 24 мая. С. 6.

ниях» Иванов-Разумник сообщал и о переменах в личной жизни Пришвина, которому в то время было 69 лет: «Бодрость и молодость его проявились воочию, когда он два года тому назад влюбился — да еще как! Развелся с Ефросиньей Павловной (большие трагедии были) и женился на сорокалетней, но весьма сохранившейся “Валерии-Калерии” (так он прозвал свою новую жену). Все это происходило на моих глазах (я жил тогда в Москве), в первую половину 1940-го года. Молодожены безмерно счастливы...»³² Такая «удивительная» информация вполне соответствовала полусказочному образу Пришвина в ремизовских текстах и, похоже, подвигла Ремизова на дальнейшую разработку образа в мифологическом ключе.

«Присутствует» Пришвин и в самой сюрреалистической книге Ремизова — сборнике снов «Мартын Задека» (1954). В сновидческом сюжете, озаглавленном «Подкоп и затычка», большая часть действия происходит в странном и жутковатом месте: «Что это, не могу понять: монастырь или тюрьма! Одиночные камеры-кельи, тяжелые чугунные двери, но есть и светлые комнаты с окном — “семейные”. А на самом верху “Комитет ручательства” и выдают спички без очереди»³³. В это пространство, напоминающее реалии Советской России времен военного коммунизма, автор-сновидец перелетел по воздуху с помощью «краеугольного камня», подаренного ему Андрэ Бретоном. (А. Бретон принадлежал к тем французским интеллектуалам, которые высоко ценили творчество Ремизова и всячески его поддерживали, то есть он тоже в каком-то смысле был «помощником» Ремизова.) Финал сна страшен и многозначителен:

«Время раннее, поставил я себе чайник.

“Вот, думаю, никогда бы не согласился в такой час кого-нибудь чаем поить”.

И как на грех, стук в дверь.

Бретон с ружьем и мексиканской косой ломится в дверь. Но я его не пустил: “еще рано чай пить”.

Но это оказался не Бретон, а Пришвин: он уселся перед дверью на свою мексиканскую косу, подперся дулом.

“В России, сказал он, многое происходило и происходит такого, чего не было и не будет никогда на свете”.

И принял дубасить в дверь»³⁴.

Мотив фантастического путешествия на покинутую родину, в СССР, не был редкостью для писателей-эмигран-

³² Иванов-Разумник: личность, творчество, роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. 2. СПб., 1998. С. 99—102.

³³ Ремизов А. М. Собр. соч. в 9 тт. Т. 7. С. 399.

³⁴ Там же. С. 400.

тов первой волны, но у Ремизова, в отличие, например, от В. В. Набокова, объектом рефлексии является не «столица и усадьба», а конкретный близкий человек, оставшийся в этом страшном и непонятном мире, который раньше был Россией.

В последние годы жизни для Ремизова наступает время структурирования собственной версии истории русской литературы. В 1948 году он писал: «Ко мне не может относиться: “увлекаюсь”. Я даю оценку, как ломбардный оценщик, у меня перед глазами история литературы или как говорят “перспектива”»³⁵. В текстах этого времени Ремизов определяет писательский статус Пришвина, с которым тот войдет в историю русской литературы, как статус сказочника: «Настоящий природный сказочник от земли и от леса — елецкий-еловый, Пришвин, как Гоголь от своего колдовского черноземья, “Гоголь” до-мирной птицы апокрифов вийного мира»³⁶. В очерке «М. М. Пришвин», вошедшем в книгу «Петербургский буерак» («Встречи»), Ремизов реконструирует «литературную родословную» Пришвина, включая в нее С. Т. Аксакова, Е. Э. Дриянского, В. Г. Короленко, Н. Е. Гарина-Михайловского, Ф. М. Решетникова. Писатель постоянно подчеркивает свою причастность к становлению пришвинского таланта:

«Я счастлив, что встретился с вами, — скажу я, — и на мою долю выпала честь направить вашу руку в трудной работе над словом»³⁷.

Нелишне вспомнить, что ремизовский очерк «М. М. Пришвин» был перепечатан в 1971 году в журнале «Вопросы литературы». С этой небольшой публикации началось долгое и мучительное возвращение произведений писателя на родину, до сих пор не завершившееся.

В своих «пришвинских» текстах 1940—1950-х годов Ремизов затронул вопрос о соотношении в произведениях Пришвина «естественно-научных» и «сказочных» элементов. В литературных кругах русского зарубежья возникли разговоры о неприятии Ремизовым «позитивизма» своего бывшего ученика. (Эта позиция позднее была еще раз воспроизведена Б. Филипповым: «Мало и недостаточно учились у Ремизова Михаил Пришвин и другие. Пришвин был слишком приземлен ужающее примитивным позитивизмом...»³⁸) Ремизов решительно

³⁵ Цит. по: Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 99.

³⁶ Ремизов А. Предисловие // Кодрянская Н. Сказки. Париж, 1950. С. 15.

³⁷ Ремизов А. Огонь вещей. С. 481.

³⁸ Филиппов Б. «Закруты памяти». К 100-летию со дня рождения А. М. Ремизова // Русская мысль. 1977. 7 июля.

не согласился с подобными суждениями. 24 марта 1948 года он писал Н. В. Кодрянской:

«Я никогда не “ругал” Пришвина. Это недоразумение. Может быть, я неясно выразился.

Пришвин одаренный воображением “поддался” (это не ругань) и захотел по-ученому описать жизнь дерева. И все хорошо, разделил дерево на три этажа, и тут точно, но тут ожил в нем сказочник и на верхушку дерева он посадил самую маленькую птичку, в природе не существующую, и назвал ее “птичик”. Браво!!! Нет, это не “ругань”. Я хочу сказать, что на сказочника нет пропада, и никакая наука сказочный дар не убьет»³⁹.

Ремизов не случайно давал такие оценки. По своему опыту он хорошо знал, как часто общее мнение о том или ином произведении и литературная репутация писателя в целом зависят от оригинальности и афористичности формулы-оценки, предложенной интерпретатором. Существовали здесь и внелитературные, политические причины. В 1930—1940-е годы репутация Пришвина в русской диаспоре была двойственной. В просоветских общественных кругах произведения писателя, далекие от стандартов социалистического реализма, расценивали как важное свидетельство свободы творчества в СССР. Непримиримые противники советского режима на родине видели в Пришвине, в лучшем случае, «осколок дореволюционной России», чудесным образом сохранившийся в дорого-бужских лесах, в худшем — писателя-конформиста, изображающего перед наивным Западом советский культурный плюрализм. В этой ситуации Ремизов счел необходимым перевести «пришвинский вопрос» из конъюнктурной политической сферы в область чисто литературных суждений.

И наконец, наивысшая ремизовская оценка Пришвина содержится не в историко-литературном или критическом тексте, а в художественном произведении. В романе «Учитель музыки» между героями Пытко-Пытковским и Корнетовым (*alter ego* Ремизова) происходит такой разговор:

«— И какой надо глаз, чтобы по-своему посмотреть на землю и небо и сказать не по Гоголю и не по Тургеневу — в русской литературе нет такого писателя...

— Есть, — перебил Корнетов, — Пришвин Михаил Михайлович»⁴⁰.

г. Вологда

³⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 209.

⁴⁰ Ремизов А. М. Учитель музыки // Лепта. 1992. № 4. С. 18.